

Камила Левитан

Развод с предателем.

Ты подделал мою измену,
чтобы забрать детей!

Камила Левитан

**Развод с предателем. Ты подделал
мою измену, чтобы забрать детей!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Ты подделал мою измену, чтобы забрать детей! / К. Левитан — «Автор», 2026

Я вернулась из командировки раньше срока и нашла следы чужой женщины в нашей спальне. Но настоящее предательство ждало меня на корпоративе. Муж вывел на огромный экран переписку с моим якобы любовником. Сотни людей увидели доказательства моей «измены». Меня уволили, объявили психически нестабильной, а затем Максим забрал детей и сменил замки. Я слышала, как плачет сын за дверью. И не могла к нему попасть. Тогда я узнала правду: муж заранее заплатил своей ассистентке за этот спектакль. Он хотел забрать детей, бизнес и всё наше имущество. Но одну запись предатели забыли уничтожить. И теперь им придётся объяснить её судьбу.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Камила Левитан

Развод с предателем. Ты подделал мою измену, чтобы забрать детей!

Глава 1

Такси отъехало. До двери собственной квартиры я дотащила чемодан, придерживая ноющую поясницу. Прилет на вечер раньше — сюрприз для Максима, подарок детям, тишина после семи часов в воздухе. Я ждала этого момента: горячего душа, запаха его одеколона, привычного ритма жизни, где я — хозяйка, а не просто функция. Но квартира встретила меня стерильной, звенящей пустотой. Не той уютной тишиной, когда дети спят, а мертвой. На часах было восемь вечера — Семен и Маша в это время обычно спорили, кому первому идти в душ.

На кухне стоял недопитый бокал красного вина. Максим не пьет по вечерам. Он говорит, что алкоголь затуманивает разум перед сделками. А этот бокал был полон на треть, следы помады на ободке — бледно-розовые, почти невидимые. Мое сердце пропустило удар, но разум возразил: усталость, глюки, командировочная муть. Ни шагов Семена, ни голоса Маши. Нужно проверить детскую.

Я вошла туда бесшумно, как воровка. Кровати были пусты. На тумбочке стояла новая камера — Максим наконец ее подключил. В полумраке горел только красный огонек устройства, забытого под кучей коробок после замены камеры. Приемник старого baby-monitor. Он сохранял короткие записи с камеры, даже когда мы не смотрели на экран.

Почему он включен? Кто-то забыл выключить его или... записал? Пальцы сами потянулись к кнопке воспроизведения. Внутри все сжалось в тугий узел. Я ожидала услышать детский бред или шум улицы. Вместо этого динамик хрипло выплюнул голос моего мужа. Холодный, деловой, чужой.

— Оставь рубашку на подушке. Помаду — только на наволочку Анны. Не касайся меня. Ты должна уйти ровно в 23:05.

Мозг отказывался обрабатывать информацию. Это не страсть. Это инструктаж. Я перематывала запись дрожащими руками, надеясь, что это оговорка, шутка. Но дальше раздался циничный смех Кристины, его бывшей ассистентки, с которой мы не раз разговаривали и которую я видела на фото в телефоне неделю назад.

— А если она заметит? — спросила она с ноткой азарта.

— Она заметит то, что я ей покажу, — ответил Максим. Голос звучал так, будто обсуждал смету на ремонт, а не разрушение моей жизни.

Я остановила запись и положила приемник на полку. В коридоре скрипнула дверь ванной. Я развернулась нос к носу с Максимом. Он был идеально спокоен. Влажные волосы, запах геля для душа, который я выбирала ему три года назад. Его улыбка была такой же, как на свадьбе.

— Где дети? — спросила я прежде, чем он успел меня обнять.

— С няней у моей матери. До воскресенья. Ты ведь должна была вернуться завтра.

Он говорил буднично, словно отсутствие детей ничего не меняло. Мне хотелось позвонить им немедленно, но сначала нужно было убрать из лица то, что я услышала.

— Уже скучала? — спросил он, подходя ближе. Его рука легла мне на талию. Тяжесть его ладони вызвала физическую тошноту, волну презрения, поднимающуюся из желудка к горлу. Я отстранилась, сделав вид, что просто устала.

— Да, дорога была адской, — солгала я, чувствуя, как внутри рвется последняя нить доверия.

Ужин превратился в театр абсурда. Мы сидели друг напротив друга, ели стейк, который он заказал заранее. Я наблюдала за ним, как энтомолог за жуком. И увидела пятно. Маленький мазок помады на воротнике его рубашки. «Пыльная роза» — оттенок, который был на губах Кристины на снимке. Максим перехватил мой взгляд и нервно поправил воротник, начав рассказывать о сложном дне, о проблемах с подрядчиками, пытаясь вызвать жалость своей жертвенностью. Я кивала, механически пережевывая мясо, которое вдруг показалось пресным, как зола.

Когда мы закончили есть, я заявила, что хочу спать. Устала. Максиму не терпелось продолжить спектакль. Он подошел ко мне в спальне, обнял со спины. Его руки стали тяжелее, давление росло. Он шептал мне в ухо, пахнув свежим мятным зубным порошком:

— Ты какая-то чужая сегодня. Что случилось?

Его близость ощущалась как загрязнение. Я резко отбила его руки, развернулась и вытеснила его в коридор, захлопнув дверь. Заперла её изнутри. Щелчок замка прозвучал как выстрел. Руки дрожали так сильно, что ключ едва не выпал из ослабевших пальцев. Спина упиралась в холодную дверь. Я не могла дышать. Воздуха не хватало, легкие горели огнем. За дверью было тихо. Ни шагов, ни стука. Только ожидание.

И тут память сыграла злую шутку, расставляя точки над *i*. Голос из монитора. Фраза «Она заметит то, что я ей покажу». Это не измена ради любви. Это бизнес. Бракоразводный процесс. Раздел имущества. Он готовил почву, чтобы я выглядела виноватой, нестабильной, морально сломленной. Чтобы суд отдал детей тому, кто выглядит «здоровым» партнером. Я не жертва адюльтера. Я объект манипуляции. Актив, который нужно списать с баланса.

За дверью послышался тихий, сдавленный смешок. Потом щелчок — он говорил по телефону. Голос Максима, глухой и победный, долетел сквозь древесину:

— Всё идет по плану. Она уже начала нервничать.

Слезы высохли на щеках, оставляя липкие дорожки. Боль исчезла, испарилась, как туман под солнцем. На ее месте выросла странная, кристальная ясность. Ледяная и острая, как скальпель хирурга. Я посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Я была дома. И теперь я знала, кого здесь держать под замком.

Утром Максим, как ни в чем не бывало, сообщил, что сегодня корпоратив холдинга в «Ритце» и мы появимся там вместе. Отказаться было нельзя: мое отсутствие читалось бы как признание вины.

Зал «Ритца» пах дорогим парфюмом, выдохшимся шампанским и чужими амбициями. Белоснежные скатерти, хрусталь, который звенел от каждого шага, и сотни глаз, направленных на входную дверь. Я вошла туда, где меня ждал мой личный ад, но заставила себя улыбнуться той самой дежурной улыбкой, которую мы отработывали перед зеркалом всю жизнь: вежливо, сдержанно, безупречно.

Максим сидел за главным столом. Его костюм стоил больше, чем моя месячная зарплата в HR, а осанка была такой прямой, словно он проглотил линейку. Я шла к нему, чувствуя спиной липкий взгляд коллег. Нужно было просто сесть рядом. Просто быть женой. Прежде я верила, что мы можем прийти вместе и отрезать все сплетни одной улыбкой. После вчерашнего эта привычка делала меня удобной мишенью.

Едва я коснулась спинки стула напротив него, как его ладонь легла на столешницу, пальцы напряглись до побеления костяшек. Он не поднял глаз, но шепот скользнул по воздуху, холоднее кондиционера:

— Не смей поднимать глаза, если хочешь видеть детей завтра.

Мой желудок сжался в тугий узел. Внутри всё кричало: «встань, ударь, кричи». Но снаружи я налила себе воды из графина. Рука дрогнула, и капли упали на салфетку, расходясь темными пятнами. Я села прямо напротив него, игнорируя приказ. Вода была холодной, обжи-

гающей горло. Я смотрела на его профиль, запертый в своей броне цинизма, и чувствовала, как презрение смешивается со страхом.

— Анна, — голос Кристины разрезал тишину нашего стола. Она подошла с бокалом, сияя той самой стерильной красотой ассистентки, которая всегда знала своё место. Или думала, что знает.

Она остановилась слишком близко. Её плечо задело моё, и золотистая жидкость хлынула на мое платье. Буквально. На грудь. Холодный душ посреди жаркого зала.

— Ох, простите! — она вскрикнула, прикрыв рот ладонью, но её глаза смеялись. Это был взгляд победительницы, довольной собой. — Я такая неловкая... Вы же знаете, как я волнуюсь перед выступлением Максима?

Шепотки вокруг начали нарастать, как мухи над падалью. Я взяла салфетку. Медленно. Промокнула ткань. Не терла, чтобы не размазать пятно еще сильнее, оставляя только влажное темное облако на шелке.

— Аккуратнее, Кристина, — произнесла я ровным, почти скупающим тоном. Ни слез, ни истерики. Именно этого они ждали. И именно этого я им не дам.

В этот момент ведущий вечера, молодой человек с идеальной стрижкой и пустыми глазами, схватился за микрофон.

— А теперь тост за семью нашего партнера, Максима Валерьевича! За Анну, которая вдохновляет его каждый день!

Я встала. Голос должен был звучать уверенно. Ведущий протянул мне микрофон. Я открыла рот, готовясь сказать пару фраз о партнерстве, о бизнесе, о том, что я здесь не просто украшение.

Но вместо моего голоса зал оглушил резкий, визгливый скрежет. Микрофон захлебнулся статическим шумом, а затем динамик выдал слова Максима, записанные заранее или транслируемые через его телефон:

— Моя жена сегодня немного устала. Давайте лучше выпьем за мой успех. Без лишних эмоций.

Смех. Вежливый, натянутый, корпоративный смех. Он прокатился по рядам, ударяя в солнечное сплетение. Максим даже не посмотрел на меня. Он поднял бокал. Зал последовал его примеру.

Я опустила на стул, сжимая челюсти так сильно, что свело скулы. Меня лишили голоса буквально. Буквально заглушили.

И тут свет в зале померк, уступив место голубому свечению огромного экрана над сценой. Мы ожидали увидеть квартальные отчеты. Вместо графиков там всплыли скриншоты. Чаты. Переписка.

«Анна»: «Он опять уснул прямо в одежде. Мерзость.»

«Анна»: «Хочу, чтобы ты был рядом сейчас. Сильный. Настоящий.»

«Любовник»: «Приходи ко мне. Я жду.»

Пошлые намеки. Жалобы. Измена. Всё это было оформлено в аккуратные бабблы мессенджера, подписанные моим именем.

Гул толпы изменился. Теперь это был не смех, а низкий, вибрирующий ропот осуждения. Сотни телефонов развернулись в мою сторону. Фотовспышки замелькали, как молнии перед бурей.

Это фальшивка. Я знала это. Запись с baby-monitora доказывала, что Максим готовил подставу. Но кто будет слушать доказательства, когда картинка кричит о предательстве?

Глава 2

— Это подделка! — я крикнула, вскакивая со стула. Стул со скрипом отъехал назад. — Это ложь! Посмотрите на даты! Посмотрите на стиль!

Но мой голос тонул в общем хоре возгласов. Никто не слушал оправданий. Никто не хотел верить в сложную схему манипуляции. Все хотели простой драмы. Жена-шлюха. Муж-герой.

Ко мне подошли двое. Охранник в черном пиджаке и личный секретарь Максима, бледный юноша с планшетом.

— Анна Сергеевна, вам нужно уйти. Для вашего же блага. Вы расстроены.

Они хотели изолировать меня. Подтвердить нарратив о нестабильности. О алкоголизме. О нервозности.

— Я требую вызвать полицию, — я вцепилась пальцами в спинку стула, ногти впивались в дерево. — Докажите подлог. Здесь свидетели.

Охранник взял меня за локоть. Грубо. Почти больно. Секретарь подтолкнул в спину.

Меня оттесняли к служебному выходу, как преступницу. В этот момент, проходя мимо главного стола, я увидела Кристину. Она стояла вплотную к Максиму. Обнимала его за талию. Голова на плече. А Максим... он не отстранялся. Он гладил её по спине. Утешал. Показывал всем, кто здесь настоящая жертва клеветы, а кто — сумасшедшая жена.

Дверь за мной закрылась с тяжелым глухим звуком. Тишина коридора ударила по барабанным перепонкам после грохота зала. Служебный ход пах хлоркой и старым жиром.

Я достала телефон. Пальцы дрожали так сильно, что экран разблокировать удалось только с третьей попытки. Адвокат. Игорь. Он должен был быть на связи. Мы договорились.

«Абонент недоступен».

Позвонить матери? Нет. Мать испугается. Мать заплачет. А мне нужны были сухие глаза.

Рука соскользнула со стекла. Телефон чуть не упал в лужу грязной воды у стены. Слезы, которые я держала в себе весь вечер, прорвались внезапно, горячими ручьями стекая по щекам, размывая тушь. Черные полосы на лице. Абсолютное одиночество. Беззащитность. Я прижалась лбом к холодной стене, чувствуя, как мир рушится на куски.

Дверь в конце коридора скрипнула. Я вздрогнула, инстинктивно отшатываясь. Ловушка? Новый удар? Кто-то из охраны вернулся добить?

В тени появился мужчина. Высокий, в длинном темном пальто, с сигаретой, которую он не курил, а просто вертел в пальцах. Виктор. Частный детектив. Я видела его мельком на деловой встрече полгода назад. Циничный следователь в отставке.

Он остановился в двух метрах от меня. Не предложил платок сразу. Сначала осмотрел. Оценил ущерб.

— Ты выглядишь как человек, который только что потерял всё, — сказал он тихо. Его голос был низким, бархатным, с хрипотцой.

— Что тебе нужно? — я вытерла лицо рукавом, ненавидя себя за слабость. — Если ты прислан Максимом, чтобы посмотреть, как я плачу, можешь снимать на камеру.

Виктор усмехнулся. Криво, одними уголками рта.

— Максим сейчас празднует победу в VIP-ложе. Ему не до тебя. А мне до тебя есть дело.

Он сделал шаг ближе. Запах табака и дорогой кожи окутал меня.

— Сотрудник их IT-отдела передал мне копию из корпоративного облака, Анна. Он не хочет отвечать за чужую подставу. Я видел исходный файл этой переписки. Точнее, то, что от него осталось. В журнале загрузки — IP-адрес офиса Максима. Плюс время создания файлов — две ночи назад. Подставу готовили заранее.

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Но тебе нужно перестать плакать, — добавил он, протягивая мне сложенный белый носовой платок. Его пальцы были сухими и теплыми. — И начать считать. Эмоции бесполезны. Нужны факты.

Это не было утешением. Это был холодный расчет. Предложение сделки.

Я взяла платок. Прижала к лицу, вдыхая запах мужской парфюмерии и надежды.

— Почему ты помогаешь мне?

— У меня личный счет с ним. За разрушенную карьеру коллеги. И за то, что такие, как он, считают всех остальных расходным материалом.

Мы вышли через черный ход. Морозный воздух Москвы ударил в лицо, очищая легкие от запаха хлорки и стыда. Снег падал крупными хлопьями, освещаемый фонарями переулка. Он пах гарью и свободой.

Виктор стоял в тени колонны, доставая телефон. Экран светился синевой. На нем был открыт чат с одним словом: «Доказательства».

Он поднял глаза на меня. Взгляд был прямым, опасным и честным одновременно.

— Этот шаг может спасти твою жизнь, — сказал он. — Или окончательно разрушить репутацию, если я тоже предатель.

Я сделала шаг к нему. Сапог увяз в снегу.

Этой ночью я почти не спала, прокручивая слова Виктора: эмоции бесполезны, нужны факты. Следующим утром жизнь тут же проверила меня на прочность — меня вызвали в холдинг, в кабинет HR-директора.

Кабинет HR-директора пах дорогим кофе и страхом. Я сидела на краю кресла, чувствуя, как спина напряглась в струну, готовую лопнуть в любой момент. Напротив меня — Галина Сергеевна, женщина с идеальной укладкой и пустыми глазами. Рядом с ней юрист холдинга, молодой парень в очках, который даже не смотрел мне в лицо, теребя край распечатки.

— Анна, мы ценим твой вклад, — начала Галина, но её голос дрогнул. Это была ложь. В её глазах читалось одно: «Уходи, пока тебя не вынесли».

Юрист положил бумагу на стол. Распечатка переписки. Фейк, созданный Кристиной, но выглядящий так достоверно, что у меня перехватило дыхание. Там были мои слова, интонации, даже опечатки, которые я делала только тогда, когда нервничала. Но я не писала этого. Никогда.

— Поведение сотрудника создает репутационные риски, — сухо произнес юрист. — Холдинг не может допускать публичных скандалов вокруг ключевых специалистов.

Я выпрямила спину. Внутри все кричало, требовало разорвать их на части, но снаружи я стала холодной скалой.

— Метаданные этих файлов легко проверяются, — сказала я ровно. — В журнале загрузки стоит IP-адрес офиса Максима. Проверьте, кто работал там в это время. Предложите провести внутреннее расследование по фактам кибербуллинга. Я готова предоставить доступ к своей переписке для сверки.

Галина Сергеевна вздохнула, словно я просила у неё воздуха. Она посмотрела на юриста, тот отвел взгляд.

— Правда сейчас менее важна, чем восприятие, Анна. Клиенты видят заголовки. Коллеги шепчутся. Мы временно отстраняем вас от доступа к базам данных сотрудников под предлогом «психологической разгрузки». Вы можете забрать личные вещи сегодня до конца дня.

Меня вышвырнули из жизни, которую я строила пять лет. Не за дело. За удобство. Я встала, аккуратно сложив руки перед собой, чтобы они не дрожали. Каждый шаг к двери был тяжелым, как ходьба по болоту.

В коридоре зазвонил телефон. Максим.

Я ответила, прижав трубку к уху так сильно, что побелели костяшки пальцев.

— Ты уже знаешь? — спросил он мягко. Слишком мягко. Как змея, обвивающая шею жертвы перед броском.

— Что ты сделал? — прошипела я.

— Я просто защищаю детей, Аня. Твое состояние... оно пугает меня. Я подал иск об ограничении родительских прав. Приложил справку от твоего бывшего психотерапевта. Знаешь, ту, где ты признавалась в тревожности прошлой зимой? Для суда это звучит как нестабильность.

Кровь ударила в виски.

— Ты не можешь так поступить! Они мои дети! Я забираю их сегодня же. Если ты не отдашь их добровольно, я вызываю полицию.

Тишина в трубке длилась секунду. Потом послышался короткий, сухой смех.

— Полиция приедет, если им позвонят соседи. А соседи уже знают о твоём «нервозном» состоянии. Оставь угрозы, Анна. Это лучше, чем истерика в суде.

Он повесил трубку.

Я вышла из здания холдинга и села в машину. Руки тряслись так, что ключ едва попадал в зажигание. Нужно было домой. Немедленно. Пока он не увез их туда, где я не найду.

Лифт ехал медленно, каждый этаж превращаясь в вечность. Когда двери разъехались, я увидела дверь своей квартиры. Мой ключ вошел в замок, но не повернулся. Личинку заменили.

Постучала. Сильно. Кулаками, ладонями, всем телом.

— Открой! Это я! Мама!

Из-за двери донесся тихий плач младшего. Этот звук разорвал меня на куски. Я зарычала, ударив плечом в дерево. Металлическая дверь с деревянной накладкой не поддавалась.

— Уйдите! — крикнула домработница изнутри. Её голос дрожал. — Мне запрещено открывать! Он заплатил за безопасность детей!

— Открой, сука! — я потеряла лицо, теряла человеческий облик, становясь тем самым «монстром», которого рисовал Максим. — Я их мать!

Плач за дверью усилился. Я билась головой о металл, чувствуя, как слезы текут по щекам, смешиваясь с потом. Внезапно щёлкнул замок. Дверь приоткрылась на цепочке. В щель просунулась рука домработницы.

Я рванулась вперед, ожидая ключи. Но она протянула конверт.

— Возьмите, — прошептала она. — И уходите. Пожалуйста.

Я схватила конверт, пальцы коснулись её кожи — холодной, влажной от страха. Она быстро отдернула руку, замок защелкнулся с глухим звуком.

На лестничной площадке стояли соседи. Женщина в дорогом халате демонстративно перекрестила меня, шепча другой:

— Бедные дети. Наркоманка совсем озверела.

Я открыла рот, чтобы крикнуть, чтобы объяснить, что это ложь, что я нормальна, что я люблю их больше всего на свете. Но голос застрял в горле. Любой звук теперь подтверждал бы диагноз Максима. «Опасная безумная женщина». Именно так они на меня смотрели. С жалостью и ужасом.

Я развернулась и пошла вниз. Конверт в руке хрустнул. Внутри была фотография. Моя собственная. Сделанная скрытой камерой в подъезде минуту назад. Я с искаженным лицом бьюсь плечом в дверь. Идеальная иллюстрация для судьи.

Глава 3

Сев в машину, я не завела двигатель. Просто сидела, глядя на треснувший экран телефона. Зазвонил. Виктор.

— Ты знаешь? — спросила я хрипло.

— Я знаю, что ты там, внизу, — ответил он. Его голос был резким, лишенным сочувствия. — Слушай меня внимательно. Если ты явишься в суд в таком состоянии, они порвут тебя на лоскуты. Ты уже проиграла битву за доступ. Теперь нужно выжить в войне за доказательства.

— Помоги мне увидеть их, — попросила я, чувствуя, как рушу свои принципы. — Хотя бы через окно школы. Хотя бы мельком.

Пауза. Долгая, мучительная.

— Нет.

— Почему?!

— Потому что я не нянька, Анна. Я партнер по войне. Если ты хочешь видеть детей, стань неуязвимой. А пока — иди домой, пей валерьянку и молчи. Любое твоё действие сейчас работает против нас.

Его холод ударил сильнее слов Максима. Но в этом холоде была правда. Он не жалел меня. Он оценивал мой потенциал как оружия.

— Хорошо, — прошептала я.

К вечеру домработница прислала сообщение: Максим увез детей в другую свою квартиру в том же ЖК. Новые ключи она оставила на посту охраны. Я всё-таки попала домой. В пустую квартиру. Тишина давила на уши, звенела в голове. Дети были здесь ещё несколько часов назад, но их запах исчез, замененный запахом хлорки и чужого присутствия.

Я прошла в детскую. Baby-monitor лежал на полке, забытый в суматохе. Красный огонек датчика моргал ритмично, как сердцебиение. Я взяла его в руки. Нажала кнопку воспроизведения последней записи.

Шорох простыни. Голос Максима. Четкий, командный: «Рубашку положи вот сюда. Помаду оставь на подушке. Она должна найти это утром. Важно, чтобы она выглядела потерянной».

Я слушала этот голос снова и снова, пытаюсь понять, где ошибка. Где сломалась машина. Телефон завибрировал в кармане, нагревшись до температуры тела. Экран завис, показывая уведомление от суда. Дата предварительного заседания — через три недели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.